

Октябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

СО Д Е Р Ж А Н И Е

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Ф. ЛАНФЕРОВ
В. ГЕРАСИМОВА
Я. ШЕЛОВ
А. ТАЙДАР

С Т И Х И

В. ЛУГОВСКОЙ
М. СВЕТЛОВ
Д. ПЕТРОВСКИЙ
А. СУРКОВ
С. ОЛЕНДЕР
С. БОНДАРИН

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

Н. УШАКОВ
М. САДОФЬЕВ

ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТНЫ

Н. ПОГОДИН
И. ДУКОВ
Я. ШМЕРЛИНГ

К Р И Т И К А

Ж. ЭЛЬСБЕРГ
Л. МЫШКОВСКАЯ
Е. ТРОЩЕНКО

БИБЛИОГРАФИЯ

К Н И Г А

С Е Д Ь М А Я

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1

9

2 9

МОЛОДОЙ ЧЕХОВ

Л. МЫШКОВСКАЯ

(Окончание).

Глава III

СЕЗОННО-БЫТОВАЯ ТЕМАТИКА

Вскрытие тематики юмористических журналов 80-х годов обнаруживает одно весьма характерное обстоятельство, а именно: журналы эти, обслуживая умственные интересы городского интеллигентско-мещанского среднего и мелкого люда, жили в сущности теми же интересами, что и указанный их потребитель, или, вернее, по тематике юмористической журналистики легче всего обнаруживается, на какой социальный слой работали эти журналы и чей умственный уровень, чье общественное самосознание они отражали.

Подробное обследование еженедельных юмористических журналов за пять лет указывает на одно постоянное, систематически повторяющееся явление, т.е. что журнал приспособляет свою тематику к сезонам, к временам года, к большим религиозно-бытовым праздникам и к некоторым типичным бытовым явлениям, неотъемлемо связанным с жизнью средних слоев города.

Таковы осень — со свадьбами, с началом театрального сезона, приезжими и столичными театральными знаменитостями; зима — со святами, новым годом, тем же театральным сезоном, великим постом и масленицей; затем весна с пасхой и, наконец, лето — с дачами, жениховством, дачными мужьями и всякими злоключениями.

Таким типичным круговоротом и характеризуется журнальный год.

Проследив ряд номеров журналов, мы обнаруживаем, что молодой Чехов, так

же как и остальные сотрудники, пишет в журнал на требуемую в данный сезон бытовую тему и, так же как и остальные, отвечает на определенное задание, с той только разницей, что делает это лучше, чем остальные.

Надо оговориться, что не вся продукция молодого Чехова была на должной высоте, — попадались и весьма слабые вещи, но тут же рядом Чехов дарит журналу такие рассказы, которые мы до сих пор и с полным основанием считаем шедеврами новеллистической литературы.

Проследим некоторые журналы.

Большинство вещей в осенних номерах журналов написаны непосредственно на тему «осень», а остальные, рассказывающие о каком-либо бытовом или связанном с ним психологическом явлении, вставляют его в обязательную оправу осени. Чехов поступает точно таким же образом.

Прочитируем некоторые названия из оглавления октябрьского номера «Осколков» за 1884 г. (6 октября, № 40).

«Глубоко-осенняя мелодия», «Ненастье» (стихотворение), «Гусиный разговор» (автор «человек без селезенки» т.е. Чехов), прекрасная пародия, где фоном для пародийного диалога служит осенний отлет гусей, и, наконец, за подписью А. Чехонте известный рассказ его «На кладбище», в котором осень составляет фон, повторяющийся мотив, и притом весь рассказ проникнут настроением какой-то осенней бесприютности.

Рассказ начинается словами:

«Господа, ветер поднялся, уже начинает темнеть. Не убраться ли нам по-добру поздорову?»

Ветер прогулялся по желтой листве старых берез, и с листьев сыпался на нас град крупных капель. Один из наших поскользнулся на глинистой почве и, чтобы не упасть, ухватился за большой серый крест».

К концу рассказа мотив осени снова повторяется:

«Мы оставили актера беседовать с мертвым коллегой¹⁾ и пошли далее. Заморосил мелкий холодный дождь.

При повороте на главную аллею, усыпанную щебнем, мы встретили похоронную процессию. Четыре носильщика в серых коленкорových поясах и в грязных сапогах, облепленных листвою, несли коричневый гроб. Становилось темно, и они спешили, спотыкаясь и покачивая носилками»...

Итак, осень в чеховском рассказе, написанном для осеннего номера журнала, чувствуется в совершенно достаточной мере.

Из этой необходимости вдвинуть любой сюжет, в том числе и психологический (т.-е. такой, в котором упор делается на психологизм, на внутренний мир человека, а не на событийную линию), в определенную сезонную оправу, т.-е. из необходимости приспособить пейзаж к переживанию героя (по аналогии или по антитезе), из этой необходимости, вероятно, и родился чеховский прием лирического пейзажа.

Этот прием очень выпукло выступает уже в одном из ранних его рассказов (1883 г.)²⁾ под тем же названием «Осенью». Конец рассказа таков:

«Фонарь вспыхнул и потух. В углу скороговоркой забредила богомолка. Малый с рябым лицом вслух помолился богу и растянулся на прилавке. Кто-то еще под'ехал... А дождь лил и лил... Холод становился все сильнее и сильнее, и казалось, конца не будет этой подлой, темной осени. Барин впивался глазами в медальон и все искал женское лицо... Тухла свеча.

Весна, где ты?»

¹⁾ В полном собрании сочинений. — «С мертвым Мушкиным».

²⁾ «Будильник», 1883 г., № 37.

Не напоминает ли эта концовка другую лирическую концовку в позднейшей повести его «Дом с мезонином»: «Мисюсь, где ты?»

Вернемся к сезонной тематике журналов. Рождественские и новогодние номера, как и следовало ожидать, полны обрядовых и «с'едобных» тем. Юмористически препарированный, здесь соблазнительно блещет рождественский гусь с поросенком во товарищах, размашисто гуляют ряженные и неистребимо, еще с пушкинских времен, процветают девичьи гаданья. Вот некоторые оглавления новогодних материалов: «Гадалка и ворожея»¹⁾, «В крещенский сочельник»²⁾, «Новогодние пробки»³⁾, «Усердные поздравители»⁴⁾, «Вещие сны»⁵⁾, «Старая погудка», «Семь смертных грехов» (фантазия на новый год)⁶⁾ и пр.

Чехов и в этом деле не отстает. Он заполняет целый ряд номеров святочным материалом, но делает он это до такой степени совершенно, что читая их, трудно себе представить, что эти рассказы писались в срочном порядке к новогодним номерам и отправлялись спешной почтой, с таким расчетом, чтобы неукоснительно попасть к очередному номеру журнала.

Такого рода присылки к Лейкину (редактору «Осколков») Чехов иногда снабжал следующим комментарием: «Посылаю вам рассказ и рождественскую мелочишку. Сегодня с курьерским вышла святочный рассказ. К новому году постараюсь написать побольше мелочей новогоднего свойства. Мелочи уже задуманы, рассказ же пока не наклеивается»⁷⁾.

Или: «С половины апреля начну строчить дачные рассказы. В прошлом году они у меня удавались. Напишу кучу и пришлю вам на выбор»⁸⁾.

Как уже сказано, Чехов иногда заполняет весь новогодний номер аналогич-

¹⁾ «Осколки», 1885, № 1.

²⁾ «Осколки», 1884, № 1.

³⁾ Там же.

⁴⁾ «Осколки», 1885, № 1.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ «Осколки», 1884, № 1.

⁷⁾ Из письма к Лейкину. 1884 г., 23 декабря (том писем).

⁸⁾ Из письма к Лейкину, 1883 г., апрель (том писем).

ным материалом. Так, новогодний номер «Зрителя» за 1883 год заполнен главным образом его вещичками. В числе их мы находим «Кривое зеркало» (подзаголовок: «святочный фантастический рассказ»), «Мошенники поневоле», «Гадальщики и гадальщицы» (новогодняя картинка) и «Ряженые». На эту же святочную тему к праздничным номерам написаны и такие вещи, как «Шампанское», «То была она», «Восклицательный знак», «Мальчики» (21 декабря) и многие другие.

Масленица тоже не последнее место занимает в юмористическом журнале. Ежегодно этот номер так и пышет горячими блинами и всякими аппетитными к ним прилоблениями, но, конечно, все в юмористической оболочке. Таковы, например, не вполне символические заглавия: «Блины» («Будильник», 1881 г., № 8), «Мясопуст», «Масленица», «Масленичный роман в цыдульках» («Осколки», 1883 г., № 9). В этом же масленичном номере 26 февраля помещено и чеховское «Торжество победителей», начинающееся словами: ¹⁾

«В пятницу на масленой все отправились есть блины к Алексею Ивановичу Козулину. Козулина вы не знаете; для вас быть может, он ничтожество, нуль; для нашего же брата, не парящего высоко под небесами, он велик, всемогущ, высокомудр. Отправились к нему все, составляющие его, так сказать, подножие. Пошел и я с папашей.

Блины были такие великолепные, что выразить вам не могу, милостивый государь: пухленькие, рыхленькие, румяньенькие. Возьмешь один, чорт его знает, обмакнешь его в горячее масло, с'ешь, — другой сам в рот лезет. Детальями, орнаментами и комментариями были: сметана, свежая икра, семга, тертый сыр. Вин и водок — целое море. После блинов осетровую уху ели, а после ухи — куропаток с подливкой. Так укомплектовались, что папаша мой тайком расстегнул пуговицы на животе и, чтобы никто

не заметил сего либерализма, накрылся салфеткой».

На этом жирном, масленичном осклочном фоне нарисованы два портрета: победитель-чиновник — лик торжествующей свиньи, и затравленный раб — его подчиненный, мелкий чиновник, или, выражаясь чеховским же языком, «толстый» и «тонкий».

Конец рассказа лаконичен: «Козулин ткнул пальцем в сторону папаша».

— Бегай вокруг стола и пой петушком!

Папаша мой улыбнулся, приятно покраснел и засеменял вокруг стола. Я за ним.

— «Ку-ка-реку!» — заголосили мы оба и побежали быстрее.

Я бегал и думал:

«Быть мне помощником письмоводителя!»

Итак Чехов в обычную дешевую тематику юмористического журнала вносит совершенно новую, глубокую жизнь. Его масленичный рассказ далеко уводит читателя от элементарного задания журнала — дать к празднику занимательный и слегка обличительный материал для скучающего читателя. Образы его начинают жить постоянной жизнью. И не только юмором, но уже большой человеческой — чеховской — болью веет от этого раннего и малого рассказа его.

В великопостных номерах «Осколков» за 1885 г. (февраль и март) ¹⁾ среди обильного постного материала, вроде «Перелома поста» ²⁾, «Великопостных танцев» ³⁾, «В чистый понедельник» ⁴⁾, «Великопостных концертантов» ⁵⁾, находим чеховское «В бане» и «У предводительши».

В этих обоих замечательных рассказах мы находим то же, что и в «Торжестве победителей», — фон удовлетворяет сезонной тематике журнала, а на нем движутся живые персонажи, с необычайно яркой печатью быта на себе.

Кроме бытовых тем, связанных с определенным сезоном, в журналах имеются материалы, посвященные непосредствен-

¹⁾ Цитируем по более поздней, исправленной редакции. В журнале вместо слова «подножие» написано «муравейник», вместо «укомплектовались» — «облопались» и еще одно небольшое изменение.

²⁾ № 10 и № 6.

³⁾ «Осколки», 1885 г., № 9.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ «Осколки», 1885 г., № 6.

⁶⁾ Там же.

но тому или иному времени года, чаще всего в стихах; таковы: «На вербном гуляньи»¹⁾, «Признание весны»¹⁾, «Весенняя мелодия»¹⁾. Чехов же пишет веселые пародии на все месяцы года. В том же номере имеется его импровизация на март.

Среди всех праздников пасха в быту занимает особое, можно сказать, центральное место, и такое же место ей отводится на страницах юмористического журнала. Почти весь номер обычно отводится пасхе, и материал почти исключительно пасхальный. Перечень заглавий такого номера говорит сам за себя: «Красное яйцо», «Накануне пасхи», «Пасхальные подарки», «Праздничное» («из записок провинциального хапуги». Автор — «Человек без селезенки»), и, наконец, чеховский пасхальный рассказ «Мелюзга»²⁾.

Рама и фон рассказа — пасха; празднующие люди, торжественные звуки и веселые улицы составляют антитезу мрачному состоянию мелкого чиновника, дежурящего за деньги в пасхальный день, и играют здесь еще большую роль, чем в предыдущих рассказах.

Мотив пасхи повторяется в рассказе много раз.

«— Звонют-с! — шепнул он Невыразимову, глядя на него неподвижными, широко раскрытыми глазами. — Уже-с!

Невыразимов подставил ухо к форточке и прислушался. В форточку вместе со свежим весенним воздухом рвался в комнату пасхальный звон. Рев колоколов мешался с шумом экипажей, и из звукового хаоса выделялся только бойкий, теноровый звон ближайшей церкви, да чей-то громкий визгливый смех.

— Народу-то сколько! — вздохнул Невыразимов, поглядев вниз на улицу, где около зажженных плошек мелькали одна за другой человеческие тени...

— Все к заутрене бегут... Наши-то теперь, небось, выпили и по городу шатаются. Смеху-то сколько, разговору! Один только я, несчастный такой, что должен здесь сидеть в этакый день!»

В середине рассказа мотив пасхи повторяется еще два раза, и им же рассказ и заканчивается:

«... Звон утих... Слышался только отдаленный шум экипажей да кашель Парамона, а грусть и злоба Невыразимова становились все сильнее и сильнее».

Таким образом, и здесь, в этом рассказе, по примеру предыдущих, переживания мелкого чиновника переданы на бытовом фоне, и, таким, образом, и сезонность выдержана и дан персонаж, как увидим в дальнейшем, весьма привычный для юмористического журнала.

Летняя злоба дня городского среднего класса — пригородные дачи и связанные с ними трудности, радости и злоключения доставляют не малый материал для юмористической обработки. Дороговизна дач на «Дохлой речке», нашествие нежеланных родственников, рыбная ловля, дачные балы, жениховство, дачные мужья и дачные приключения представляют для журнала неисчерпаемый источник юмора. Все летние номера буквально усеяны подобным материалом. Даже заглавия часто одни и те же из года в год: «Дачные правила», «Дачные мелодия», «Дачное спокойствие», «Дачные lamentации», «На даче», «Дачница», «Дачники», «На дачном балу», «Дачный казус» и множество им подобных. Чеховская дачная продукция была чрезвычайно обильна. Как мы видели из его письма к Лейкину, с апреля он начинает уже готовить дачные рассказы для журнала. Лейкин подгоняет его: «Недели через две, — пишет он, — хватите о дачах. Я о петербургских дачах заведу свою шарманку, а вы — о московских».¹⁾

И действительно, аккуратно к началу каждого лета оба заводили свои шарманки, с той только разницей, что из лейкинской выходили звуки весьма сомнительной чистоты (может быть, оттого, что в ней, как в знаменитой ноздревской, не все дудки были в порядке), из чеховской же, в числе остальной его дачной продукции, вышли и такие соловьиные трели, как «Злой мальчик», «Дочь Альбиона», «Налим» и др. «Злой

1) «Осколки», 1885 г., № 16, 25, марта.

2) «Осколки», 1885 г., № 12, 23 марта.

1) 16 апреля; 1883 г., Архив музея им. Чехова.

мальчик», предназначенный для летнего номера, в журнале назывался «Скверный мальчик» и имел характерный подзаголовок — «Рассказ для маленьких дачников», напечатан 15 июля ¹⁾. «Дочь Альбиона» ²⁾ написана на часто встречающуюся в дачных номерах журналов тему «О рыбной ловле». (Таких рассказов, но только с бездарным содержанием и таким же оформлением, встречается в журналах множество («Рычная ловля» ³⁾, «С удочкой» ⁴⁾ и другие). «Налим» написан на ту же тему (напечатан 1 июля 1885 г. ⁵⁾. «Роман с контрабасом» имеет подзаголовок: «Дачная феерия».

В журналах часто печатался также материал из провинциальной захолустной жизни.

Чехов дал целую серию таких рассказов и опять-таки приспособляет их к тому или иному сезону. «Брожение умов» и «Мыслитель» написаны для летних номеров журналов.

В ту пору холера была, повидимому, обычным гостем осени. В журналах о ней часто упоминается, и вот Чеховым в ряду прочего холерного материала напечатаны «Надлежащие меры». (в сентябре, «Осколки», 1884 г., № 38). В предыдущих номерах (№ 34 и др.) есть ряд материалов о холере.

«Холерный» сезон явно сквозит в рассказе.

«...По направлению от думы к торговым рядам, — читаем мы вначале, — медленно подвигается санитарная комиссия, состоящая из городского врача, полицейского надзирателя, двух уполномоченных от думы и одного торгового депутата. Сзади почтительно шагают городовые... Путь комиссии, как путь в ад, усыпан благими намерениями. Санитары идут и, размахивая руками, толкуют о нечистоте, вони, надлежащих мерах и прочих холерных мерах».

И дальше: «Это что же такое? Поглядите, господа! Демьян Гаврилыч из-

волит мыло и хлеб одним и тем же кожем резать!»

— От этого холеры не выйдет-с, Аникита Николаич! — резонно замечает хозяин».

Привычка и умение писать к сезону оставались у Чехова надолго. Когда он был уже известным и признанным писателем, он продолжал сотрудничать в «Новом времени» и «Петербургской газете» и присылал туда сезонный, злободневный материал. Трудно себе теперь представить, но все же это именно так, что незабываемый его рассказ «Святой ночью» написан им для пасхального номера «Нового времени» (1886 г., 13 апреля, № 3.636).

Если вещь начинается словами о зиме и снеге, как это имеет место в его изумительном рассказе об извозчике Ионе («Тоска»), одиноко беседующем со своей лошадью о смерти сына («Так-то, брат, кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить»), то можно рассчитывать, что рассказ этот писался для зимнего номера. И в действительности это так! ¹⁾.

Если в рассказе речь идет о лете, как в «Егере» (тот самый рассказ, который по свидетельству современников впервые привлек внимание Григоровича; по признанию Чехова, был им написан в купальне), и он начинается словами: «Знойный и душный полдень. На небе ни облачка», — при чем лето, поле и спелая рожь составляют основной фон — то у нас все основания предполагать, что рассказ этот печатался в одном из летних номеров журнала или газеты. И в самом деле мы не ошибаемся ²⁾. Итак, почти в каждом рассказе, уже заранее, по пейзажу и фону, на котором разыгрываются события, можно легко угадать, в каком месяце или, по крайней мере, в какое время года был рассказ написан, или, вернее говоря, для какого сезонного номера журнала или газеты он предназначался.

Следовательно, в этом деле, т.е. в вопросе о сезонности тематики, Чехов

¹⁾ «Осколки», 1883 г., № 30.

²⁾ «Осколки», 13 августа 1883 г., № 33.

³⁾ «Будильник», 1883 г., № 26.

⁴⁾ «Осколки», 1885 г., № 26.

⁵⁾ Петербургская газета, 1885 г., № 177.

¹⁾ Рассказ «Тоска». Печатался в «Петербургской газете». 1886 г., 27 января, № 26.

²⁾ «Егерь» напечатан в «Петербургской газете» в 1886 г., 18 июля, № 194.

нисколько не отступал от общепринятой в юмористических журналах традиции. Напротив, он полностью шел ей навстречу, и именно из этой потребности ответить на ту или иную журнальную злобу дня и родилось большинство его рассказов, как мы это видели выше, в том числе и самые лучшие из них.

С сезонной тематикой связана и бытовая. Как уже замечено выше, весьма часто повторяющейся из года в год темой журналов является жениховство — доля женихов — удачное и неудачное, и свадьбы.

В журналах помещено великое множество рассказов на эту тему. Страницы, так и пестрят заглавиями, вроде следующих: «Свадьба»¹⁾, «Пропавший жених»²⁾, «Нечто свадебное»³⁾, «В ожидании новобрачных»⁴⁾ «Женихи-мошенники», «Выбор женихов и невест в будущем»⁵⁾, «К свадебному сезону» и «Руководство для желающих жениться»⁶⁾ и т. д.

На ту же тему среди этого материала напечатаны и чеховские свадебные рассказы — «Неудача» (с портретом Лажечникова вместо иконы), «Свадьба с генералом», «Относительно женихов (в бане)», «Счастливчик», «Свадьба», «Брак по расчету» и многие другие.

Во многих этих свадебных сюжетах Чехов вводил в качестве персонажей некоторых таганрогских жителей, свадьбы которых он наблюдал. Сходство с оригиналами было до такой степени явное, что те без труда узнали себя и всерьез обиделись. По этому поводу брат пишет Антону Павловичу:⁷⁾

«Если вам обоим дороги ваши бока, то не советую вам ездить в Таганрог. Лободины, Селиванов, сродники и южки — все сплошь обижены на вас за «Свадьбу» в «Зрителе». Здесь на эту карикатуру смотрят как на выражение черной неблагодарности».

Из других бытовых, часто встречающихся в журналах тем — аптеки,

больницы, врачи. Последние, как и у Чехова, всегда называются «эскулапами». На аптеку и аптекарскую таксу Чехов даже указывает как на одну из надоевших, набивших оскомину тем, однако, он не раз отзывался на нее. Целый ряд заглавий и карикатур свидетельствует об обычности этой темы: «Аптечная проза и поэзия в граде Орлове»¹⁾, «Из дневника аптекаря»²⁾, «Аптечная такса»³⁾ (карикатура) и многие другие Чеховым написаны на эту тему ранний рассказ: «Как», «Аптекарьша» и многие мелочи, не вошедшие в первое полное собрание сочинений.

Больницы и врачи, как известно, фигурируют у Чехова весьма часто, но в журналах еще чаще. Такие заглавия, как «Наши эскулапы», «В больнице»⁴⁾, «В приемном покое в базарный день» (во Владимирской губ.)⁵⁾, встречаются постоянно, и Чехов, еще будучи студентом, постоянно откликался на эту тему. Кроме «Хирургии» и «Perpetuum mobile», им напечатаны в юмористических журналах еще многие вещицы на эту же тему.

Очерченный нами круг сезонно-бытовых тем юмористических журналов (мы еще далеко не все охватили, а только наиболее часто повторяющиеся, типичные) и составляет фундамент журналов.

Но деятельность журналов была бы не полной и не удовлетворяла бы читателей, если бы они вместе с бытовыми явлениями не освещали умственных интересов своего потребителя. В чем больше всего проявлялись эти интересы в 80-х годах? В центре внимания были преимущественно театр и отчасти пресса.

И именно потому, что театр занимал большое место в жизни того городского слоя, на который рассчитывал юмористический журнал, т. е. городской разнотинной интеллигенции и мещанства, по этой самой причине театр, музыка, концерты, приезжие знаменитости заняли в журнале такое место, что если бы произвести статистический

1) «Осколки», 1884 г., № 3.

2) «Будильник», 1884 г., № 15.

3) В том же томе.

4) «Осколки», 1883 г., № 30.

5) «Осколки», 1885 г., № 43.

6) «Осколки», 1885 г., № 40.

7) Из архива музея им. Чехова, в Москва.

1) «Будильник», 1884 г., № 36.

2) «Осколки», 1885 г., № 15.

3) «Осколки», 1882 г., № 18.

4) «Осколки», 1884 г., № 3.

5) «Будильник», 1884 г., № 14.

подсчет, то они, вероятно, не уступили бы пресловутому «купцу».

Чехов, как и прочие сотрудники-журналисты, пишет о театре, актерах, антрепренерах и о приезжих знаменитостях. Тут и рецензии (о Саре Бернар он очень тонко писал, театр и сцену уже и тогда хорошо понимал) и пародии, статьи о направлении того или иного театра, об отдельных постановках. Но, кроме того, он, по традиции юмористических журналов, писал много рассказов, где действующими лицами являются актеры.

Многие из этих рассказов достаточно известны: «Актерская гибель» «Антрепренер под диваном», «Трагик», «Средство от запоя» (из актерской жизни). По поводу последнего рассказа Чехов писал Лейкину: «Я шлю вам рассказ, который писал не для «Осколков», а для вообще, куда сподится. Рассказ немножко длинен, но он трактует об актерах, что в виду открытия сезона весьма кстати, и, как мне кажется, юмористичен»¹⁾.

Любопытно отметить, что приблизительно под теми же заглавиями, что и чеховские, находим в журналах ряд материалов из жизни актеров, написанных другими сотрудниками, например: «Трагик»²⁾, «Антрепренер и трагик»³⁾, «Из жизни актера»⁴⁾, «Мученики искусства»⁵⁾ и множество других подобных им.

На ряду с театром и концертами очень часто появляются различные отчеты и сценки, рассказывающие о всевозможных выставках картин, птицеводства, о дешевых базарах и о всяких таких людных местах: «На выставке птицеводства»⁶⁾, «На птичьей выставке»⁷⁾, «На охотничьем рынке»⁸⁾ (разговор охотников на рынке у Рождественского бульвара). На ту же тему (разговор любителей на рынке) написано чеховское «В Москве на Трубе» (потом на-

звание переделано: «В Москве на Трубной площади»).

Вслед за театром шла пресса и ее деятели, иногда крупные, но большей частью мелкие работники ее. Материалом служит текущая газетная и журнальная пресса, направление той или иной газеты или журнала, высмеивание некоторых деятелей этой печати, жалобы на положение печати (об этом говорилось выше) и, наконец, рассказы и пародии, где действующими лицами являются работники печати или сама печать, вроде следующих: «Встреча с писателем»¹⁾, «Поэт и прозаик»²⁾, «Роман репортера» (Чехова), «Два газетчика»³⁾ (его же), «Правила для начинающих авторов»⁴⁾ (Чехова), «Редакционный день «Будильника» и «Записка» (Чехова).

Остается остановиться на вопросе о том, кто является героем, обычным персонажем названной журнальной тематики. Частично говоря о тематике и направлении журналов, мы уже с этими персонажами столкнулись. Это были обыватели различных положений и рангов — дамочки из гостиных, их рогатые мужья, молодые франты в женихах, старательные барышни, юные институтки и, наконец, где-то, на задворках жизни, всякие старики и старухи. Следующая категория — люди так называемых интеллигентных профессий: актеры, художники, музыканты, писатели, адвокаты, землемеры, инженеры, врачи, учителя и др. За ними следуют земские деятели, гласные судьи, городские голы и чиновники всяких рангов, преимущественно низшие — всякие пристава, околоточные, низшие банковские и почтовые служащие, канцеляристы, — словом, вся городская чиновничья мелкота — «мелюзга» по-чеховски.

Даже фамилии, которые мы там встречаем, характерны для городского чиновничьего люда: околоточный надзиратель Чирикаев⁵⁾, урядник Парамон Силантьевич Гвоздиков⁶⁾, столоничья Треухов⁷⁾, коллежский регистратор Чи-

¹⁾ Письмо от октября 1885 г. I том писем.

²⁾ «Осколки», 1885 г., № 19.

³⁾ «Осколки», 1885 г., № 39.

⁴⁾ «Осколки», 1885 г., № 51; 1881 г., № 22 и др.

⁵⁾ «Осколки», 1885 г., № 2.

⁶⁾ «Осколки», 1884 г., № 43.

⁷⁾ «Осколки», 1884 г., № 36.

⁸⁾ «Осколки», 1885 г., № 19.

¹⁾ «Будильник», 1885 г., № 23.

²⁾ «Будильник», 1883 г., № 10.

³⁾ «Осколки», 1885 г., № 46.

⁴⁾ «Осколки», 1885 г., № 43.

⁵⁾ «Осколки», 1884 г., № 32.

⁶⁾ «Осколки», 1883 г., № 29.

⁷⁾ «Осколки», 1885 г., № 40.

жиков¹⁾, Кукин и др., т.е. фамилии и персонажи, чрезвычайно сходные с чеховскими.

Если мы вспомним тематику и персонажи Чехова первого периода до 1887 г., да и частично позднейшей поры, т.е. преимущественно тематику и персонажи Чехова-новеллиста, и сравним их с такими юмористической журналистики, то мы легко можем убедиться, что это одна и та же тематика, одни и те же персонажи, — вернее говоря, тематика и персонажи чеховского рассказа являются не специально чеховскими, а вообще тематикой и персонажами юмористических журналов 80-х годов, на которые, в ряду других сотрудников, работал Чехов и из которых он вырос.

Интересно отметить, что у Чехова в рассказах часто попадают общие с другими сотрудниками заглавия. Тут подражание других сотрудников Чехову, несомненно, имело место, но Чехов также пользуется заглавиями, повторяющимися в журналах. Таковы, например, заглавия: «Perpetuum mobile»²⁾ (заглавие, часто повторяющееся в стихотворениях), «В бане»³⁾ (тоже разговор), «Кошмар»⁴⁾, «Трагик»⁵⁾, «Мертвое тело»⁶⁾, «Шампанское»⁷⁾, «Месть»⁸⁾, «Мститель»⁹⁾ «Лечение от запоя» (у Чехова, «Средство от запоя») и др.

Когда Чехов стал знаменит, то его друзья и современники поражались его легкости в придумывании тем и виртуозности его овладения всякой темой. Известен его разговор с Короленко: «Знаете, как я пишу маленькие рассказы?.. Вот.

Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь, — это оказалась пепельница, — поставил ее перед собой и сказал:

— Хотите, завтра будет рассказ?.. Заглавие — «Пепельница»¹⁰⁾.

Эта легкость, изворотливость в изобретении тем и овладении всякой темой была чертой не лично чеховской, а свойственной всем юмористам-газетчикам и значительно менее талантливым, чем Чехов. Она диктовалась самой профессией, — приходилось писать всегда в срочном порядке, писать о самых различных вещах, и притом необходимо было быть всегда занимательным. Это обстоятельство и вырабатывало изощренность, быстроту и приспособляемость к материалу.

У Чехова при его умении совершенным образом оформлять вещь этот выработанный навык писать быстро и легко давал большие результаты, — даже наспех написанные рассказы оказывались шедеврами («Егерь», написанный в купальне, и «Сирена» — без помарок).

Итак, формулируя вопрос о взаимоотношениях чеховского творчества и юмористической журналистики 80-х годов, мы должны сказать следующее: в 80-х годах средние классы города под влиянием определенных экономических условий крепнут и выделяют из себя интеллигенцию. Нарождается новый читатель с иной жизнью и иными интересами. Эти интересы должны были, естественно, найти свое отражение в литературе. Но ни дворянская, ни литература мужиковствующих писателей не могла этого дать народившемуся читателю. И вот новая тематика с новыми героями стучится в двери и ищет себе дорогу в литературу. Временно, прежде чем выйти на большую дорогу литературы, она ютится на задворках ее, в малой прессе, в юмористической журналистике и дает вначале жалкие, чахлые ростки.

Такое положение длится до тех пор, пока из среды той же убогой журналистики не вырастает огромный дар, который силой своего художественного чутья углубляет, совершенствует, эту тематику, делает каждую мелкую вещь значительной, многопланной и полноценной, — это дар Чехова. На своих плечах, плечах большого художника-творца, он выносит эту тематику из темных, грязных закоулков к свету и делает ее видимой всему миру.

И потому понятно, что до Чехова ни у одного крупного художника не было

1) «Осколки», 1885 г., № 51.

2) «Осколки», 1885 г., № 2.

3) «Осколки», 1884 г., № 43.

4) «Осколки», 1884 г., № 36.

5) «Осколки», 1885 г., № 19.

6) «Будильник», 1885 г., № 23.

7) «Будильник», 1883 г., № 10.

8) «Осколки», 1885 г., № 46.

9) «Осколки», 1885 г., № 49.

10) В. Г. Короленко, I т., изд. Маркса, 1914 г.

такого разнообразия тем и персонажей из жизни городского среднего и мелкого люда, не было такого знания их быта и такого умения художественно выявлять его в тончайших узорах слова, в нежнейших акварельных красках его.

Это знание дал ему быт, ибо Чехов — сын той же среды, а умение и глубину дал ему талант и исключительной тонкости духовная организация.

Помещенные среди прочего хлама на страницах юмористического журнала чеховские вещи производят необычайное впечатление.

Чудится, что из пыльной мусорной кучи внезапно, точно при свете молнии, выросли какие-то небывалые цветы — белые, душистые, чудесные, и вспоминаются слова дяди Вани: «Осенние розы, прелестные, грустные розы», — слова, хотя и относящиеся к более позднему периоду, но, пожалуй, применимые и ко всему творчеству Чехова в целом.

На общераспространенном взгляде о будто бы существующей резкой разнице между Чеховым первого периода и Чеховым последующей поры должно несколько остановиться. Чехов первого периода — беспечный, жизнерадостный юморист; зрелый же Чехов — резкий поворот в сторону углубленности и пессимизма, — таково обычное суждение.

Однако исследование его литературной деятельности первого периода — до 1886—1887 гг. — отнюдь не подтверждает этого положения.

Чехов беззаботным, жизнерадостным юмористом в настоящем смысле слова никогда не был. Такие его рассказы, как «Осенью», «Устрицы», «Торжество победителей», «Приданое», «Егерь», «Старость», «Горе», «Тоска»¹⁾, не говоря уже о множестве его фельетонов, где с большой серьезностью, порой даже скорбью, приводятся примеры грубейшего насилия, с одной стороны, и бессилия — с другой, пример величайшей грубости и пошлости людской, — такие вещи никак не могли выйти из-под пера жизнера-

достного, легкого юмориста, каким обычно изображают Чехова той поры.

Ко многим рассказам молодого Чехова уже вполне применим взятый им эпиграф к рассказу «Тоска»: «Кому повем печаль мою?..», — и очень часто в весьма ранних его писаниях совершенно отчетливо слышен Чехов, автор «Скучной истории», «Скрипки Ротшильда» и других подобных им произведений.

Наоборот, следует сказать, что скорее Чехов, как сотрудник легких юмористических журналов, приспособлял, выражаясь высоким языком, свою музу и ее напевы к их надобностям и старался писать легкое, неуглубленное, сдерживая себя; он говорит об этом в письме к Григоровичу: «Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал». Но, несмотря на это, образы эти часто прорывались, и тогда ясно видно было настоящее лицо Чехова.

Чехов словно извиняется за свой серьез, и совершенно не приходится сомневаться в том, что ему часто приходилось приспособляться к легковесности юмористического журнала.

О беспечном Чехове какой бы то ни было поры вообще говорить очень трудно, — 16—17-летним мальчиком он пишет своему родственнику: «У нас дороже матери ничего не существует в сем раз'ехидственном мире»¹⁾ (курсив мой). Уже в таком возрасте Чехов говорит о «раз'ехидственном мире»! Да и откуда мог взяться беспечный юморист — и само детство и все окружающее Чехова той поры давало к тому весьма мало поводов и оснований.

Двух Чеховых не существует, а есть только один Чехов, с первых дней вдумчивый и глубоко серьезный наблюдатель человеческой жизни, неизменно преобразующий ее то лиризмом, то юмором своего художественного восприятия.

Чехов в данном случае разделял судьбу таких писателей, как Гейне, Мопассан.

¹⁾ «Устрицы» — 1884 г.; «Осенью», «Приданое», «Торжество победителей» — 1883 г.; «Егерь», «Старость», «Горе» — 1885 г.; «Тоска» — 1886 г.

²⁾ 1877 г., 10 мая, Таганрог. I том писем.

сан и Гоголь. Эти великие мастера юмора и сатиры были, быть может, в то же время и самыми грустными людьми своего времени. В основе мироощущения каждого из них лежало восприятие мира, как начала трагического, а каскадом бьющий юмор их был лишь своеобразным разрешением — другим полюсом этого тяжелого преломления.

Чехов принадлежит к их плеяде, — к плеяде «веселых трагиков», но юмор его, хотя и лишенный их яда, был не менее, чем у них, полон горечи.

Не о двух Чеховых различных периодов приходится говорить, а только о значительном расширении тематики Чехова в последующий период его творчества; кроме мелкого человека, он вводит в свою тематику жизнь высшей интеллигенции и проблемы ее интеллектуального бытия; он переходит к другим жанрам, кроме новеллы, — к повести и драме, и уже, как известный писатель, не стесняемый более ни размерами, ни требованиями журналов, дает своим образам свойственные ему глубину и лиризм, раньше не успевшие и не имевшие возможности развернуться полностью.

Глава IV.

ЖАНРЫ

Какими жанрами питался юмористический журнал, что в нем преобладало?

Уже самый характер журнала, долженствовавшего доставлять легкое, занимательное чтение горожанину, диктовал ему определенный жанр — короткие по размеру, комические, чаще всего обличительного характера материалы.

Какие из известных нам литературных жанров больше всего отвечали требованиям юмористических журналов? Это были пародии, анекдоты, шутки, афоризмы, короткие сценки — повествовательные и драматические.

Если раскроем юмористические журналы, особенно самые характерные из них — «Будильник», «Осколки» и отчасти «Зритель», то мы найдем в них преобладающими именно названные жанры.

Особенно часто встречаются пародии. Пародированию подвергались различные явления — как бытовые, так и литературные. Пародии на различные литературные произведения особенно часты.

Некоторые избитые литературные приемы, длинные авантюрные произведения служили предметом постоянных насмешек.

Чехов, как и остальные сотрудники, пишет множество пародий. Часто попадают его пародии на литературные произведения, на театр и его деятелей (известный тогда антрепренер Лентовский — главное действующее лицо в этих пародиях).

Кроме пародий на литературные и театральные, имеются пародии на бытовые и общественные явления.

На общественные темы имеем его пародию «Гусиный разговор».

«В синеве небесной, совершая свой обычный перелет, длинной вереницей летели гуси. Впереди летели старики, гусиные действительные статские советники, позади — их семейства, штаб и канцелярия. Старики, кряхтя, решали текущие вопросы, гусыни говорили о людях, молодые же гусаки, летевшие позади, рассказывали друг другу сальные анекдоты и роптали. Молодым казалось, что старики летят вперед не так быстро, как того требуют законы природы.

— Так нельзя лететь! — говорили они, когда истощался запас сальных анекдотов. — Это чорт знает на что похоже! Летим, летим, а еще до Черного моря не долетели! Эй, вы, вашеество! Будем мы по-божески лететь, или нет?

Рассудительные же старики рассуждали иначе:

— И не понимаю, зачем только мы летим, Гусь Гусич? — говорил один старик другому, записывавшему фамилии роптавших: — Летим на Запад, в неведомую бездну, в страну опереток. Согласен: оперетка хорошая вещь, даже необходимая, но поймите же, что мы для нее еще не созрели. Для нас с вами куплет «Все мы невинны от рождения», пожалуй, еще ничего, для ума же не созревшего они — игибель.

— Душевно рад, вашеество, что нахожу в вас соучастника в своей скорби. Природа заставляет нас лететь, здравый же смысл вопрошает: ну, к чему мы летим? Сидеть бы нам зиму здесь, где места много и яства изобильны и гусиная нравственность самобытна. Взгляните вы на этих своих гусей. Сколь завид-

на их доля! Живут оседло... Тут у них и даровой корм, и вода, и навоз, в недрах коего заключается много богатств, и множество, освященное веками... И сколькими важными поступками летописи их украшены. Не спаси они Рима, этого рассадника римских тлетворных идей, они не знали бы себе в истории соперников. Взгляните, какие они сытые, довольные, как нравственные их жены.

— Но, вашество, — вмешался один гусак из породы молодых, да ранних, — за это видимое довольство с них берут слишком дорого. Они платят своей независимостью: из них, вашество, приготавливают «гуся с капустой», гусяное сало и гусяные перья.

— Вот если бы у тебя в голове было поменьше таких идей, — огрызнулся старик, — то ты не говорил бы так со старшими. Как твоя фамилия?

И так далее. До места своего назначения гуси летели благополучно. Особенного ничего не произошло. Раз только старики, увидев на земле молоденькую, свойскую гусыню, моргнули глазами, прищелкнули языками и, забрав фуражные деньги, спустились вниз, но и то не надолго. Гусыня деньги взяла, но чувства стариков отвергла, сославшись на свою невинность». («Человек без селезенки». «Осколки», 1884 г., № 40).

Кроме этой пародии, Чехов написал много других достаточно известных. Таковы его «Драма», «Из записок вспыльчивого человека», некоторые из его «Свадеб» и др. Кроме того, Чеховым написаны были многие пародии на иностранных романистов, как его «Грешник из Толедо», «Летающие острова». Первый его рассказ тоже был пародией («Письмо донского помещика к ученому соседу»).

За пародией идут анекдот, шутка и афоризм. Их неисчислимо количество на разные темы — и на бытовые и на общественные. Иногда они идут, как несвязанные, иногда ряд их образует что-либо цельное.

Чехов настолько овладел жанром анекдота и афоризма, что положил их в основу большинства своих юмористических рассказов. Многие из них представляются собой не что иное, как развернутый, художественно обработанный

анекдот; таковы его «Лошадиная фамилия», «Длинный язык», «Клевета», «Неудача» (с портретом Лажечникова), «Оратор», «Произведение искусства» и множество других.

Его знаменитая «Жалобная книга» составлена из отдельных комических изречений, большей частью и не связанных между собой:

«Милостивый государь. Проба пера?»

«Ты картина, я портрет, ты скотина, а я нет. — Я морда твоя.»

«Подъезжая к сей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкин.»

«Кто писал не знаю, а я, дурак, читаю.»

Точно так же его «Служебные заметки» состоят из отдельных заметок.

Цитируем некоторые заметки начальствующих лиц на бумагах:

«Птица узнается по перьям, хороший проситель — по благодарности».

... «Деницын, расписывайся поразборчивее. Ты не тайный советник!..»

«Хоть в этом прошении и нет точных указаний на чувства благодарности, но тем не менее из некоторых пунктов явствует, что к нему было кой-что приложено... Где деньги?»

Под этой фразой другим почерком написано: «Честь имею донести вашему высокоородию, что деньги в качестве 75 рублей во время вашего отсутствия были отнесены Смирновым супруге вашей Евдокии Трифоновне.

Лягавов».

На бумаге с заголовком «Совершенно секретно» написано: «Надписи, вроде «секретно и совершенно секретно», мне не понятны. К чему из сих поучительных фактов делать тайну? Пусть бы все читали и казнили!»¹⁾

Его рассказ «Много бумаги» тоже состоит из отдельных донесений уездной земской управы, пристава, доктора и учителя.

Таким образом, жанр пародий, анекдота и афоризма вынесен Чеховым из юмористических журналов, где этот жанр был господствующим, и широко

¹⁾ «Осколки», 1885 г., № 9. Подпись — «Человек без селезенки».

применялся Чеховым в его юмористических рассказах, предназначавшихся для тех же журналов.

Чехов, часто содействуя помещению вещей некоторых знакомых начинающих писателей в юмористические журналы, дает им характерные указания относительно наиболее распространенных и приемлемых в этих журналах жанров. Так, он пишет Киселевой: «Пишите на разные темы, смешное и слезное, хорошее и плохое. Давайте рассказы, мелочи, анекдоты, остроты, каламбуры и проч. и проч.»¹⁾.

Как уже указано выше, форма — «Из дневника», «Из записной книжки», «Письмо» — была чрезвычайно распространенной в юмористических журналах «Краткий роман в письмах», «Масленичный роман в цидульках», «Письмо лавочного приказчика», «Письмо юного математика» — такого рода вещи встречаются весьма часто.

Чехов пользуется и «дневниками», и «письмами». Его «Дневник вспыльчивого человека», «Из дневника помощника бухгалтера» достаточно известны. Много различных «Писем» его в числе других малых произведений не попали в первое собрание сочинений его. Первый рассказ его — пародия — был тоже в виде письма.

Образ Ваньки в рассказе того же названия тоже дан через письмо.

Кроме пародий, анекдотов, афоризмов, изречений, наиболее распространенными в юмористических журналах являются очень небольшие рассказы с подзаголовком «Сценка» (бывают и сценки драматические).

Это короткие рассказы, в которых описывается какой-либо бытовой момент, начинаются обычно с описания времени, действия, места или героя, иногда диалогом; конец часто лаконичен, иногда неожидан. Героев — один-два, дается одно какое-нибудь событие. Короче говоря, это и есть форма новеллы-миниатюры, хорошо знакомая нам по Чехову, но сделанная далеко не так, как у Чехова, — большей частью бледная, без ярких живых образов.

Такие рассказы — обычный, наиболее распространенный тип юмористического журнала.

Вообще следует отметить, что, подвергаясь в своем оформлении воздействию юмористических журналов, Чехов в свою очередь манерой своего письма определенным образом влиял и на других сотрудников журнала.

Но как бы то ни было, этот жанр новеллы-миниатюры жил уже в юмористическом журнале, но был бледен и хил, — рахитичное дитя на кривых ножках. Согретый же дыханием чеховского таланта, его теплом и светом, он ожил, окреп, выпрямился и стал достойным получения права гражданства в большой литературе.

Резюмируя все вышеизложенное о жанрах юмористической журналистики, мы должны сказать следующее.

Отрывистые, короткие, малые жанры нашли себе прочное пристанище в юмористических журналах, так как гораздо больше, чем все остальные, отвечали природе и заданиям этих журналов, имевших целью в быстрых, мгновенных юмористических красках освещать жизнь города и отвечать на некоторые запросы народившегося в нем нового читателя. С помощью этих жанров задача эта могла быть наилучшим образом выполнена, и потому они прочно привились в юмористических журналах.

Чехов, выросший из тех же журналов, сделал с малыми жанрами то же, что и с тематикой этих журналов, — он углубил, усовершенствовал их, сделал их незаменимыми, и вместе с выходом в свет, в большую литературу самого Чехова туда вместе с ним проник и этот малый жанр.

Взбравшись столь неожиданно на Олимп, этот отдаленный, захудалый родич из подозрительной семьи быстро занял самое почетное место. «Старики» — канонические жанры (повести, романы и др.) сжались и уступили первенствующее место. Рассказы «короче воробьиного носа» (выражение Чехова) стали вдруг необыкновенно популярными и любимыми.

Произошла, в сущности, революция в жизни жанра, — из дешевого, «низкого»,

¹⁾ Из письма к Киселевой. I том писем. 1886 г., 29 ноября, 269 стр.

незаметного, ютившегося в непризнанной малой прессе, он становится на определенное время чуть ли не главенствующим в литературе и имеет своих продолжателей и по сию пору.

Чехов эту свою заслугу хорошо сознавал. Он пишет: «Иксы, Зеты и Эны, работающие в «Будильниках» «Стрекозах» и «Листках», переполошились и с надеждой взирают на будущее. Еще раз повторяю: газетные беллетристы второго и третьего сорта должны воздвигнуть мне памятник или, по крайней мере, поднести серебряный портсигар,— я проложил для них дорогу в толстые журналы, к лаврам и сердцам порядочных людей. Пока это моя единственная заслуга»¹⁾.

Бунину же он впоследствии говорил: «Вам хорошо, теперешним писателям. Вас теперь хвалят за небольшие рассказы. А меня, бывало, ругали за это. Да как ругали! Бывало, коли хочешь быть писателем, так пиши роман, а иначе о тебе и говорить и слушать не станут, и в хороший журнал не пустят. Это я всем вам стену лбом прошибал для маленьких рассказов»²⁾.

Любовь к малому жанру Чехов сохранил до конца, и когда писал повести, то часто жаловался на трудность и непривычку к такой работе. «Будь я миллионер,—я бы писал вещи только с ладонь величиной»³⁾,—говорил он

впоследствии, когда успел уже написать множество крупных повестей и рассказов.

★

Подведем итоги.

Колыбель Чехова—юмористическая журналистика 80-х годов,—как мы видели, воздействовала на него всем своим общим содержанием—и направлением, и тематикой, и жанрами, и как ни велика разница между качеством чеховской литературной продукции и продукцией журналов (золотое вино аи, воспетое Пушкиным, и горькая сивуха—утешение жалких пропойц—не столь разнятся между собой), все же мы должны признать, что перед ними стояла одна и та же задача.

Задача эта заключалась в следующем: необходимо было дать яркое художественное отображение вновь народившимся городским общественным группировкам; предстояло создать новую тематику и влить ее в новые формы. Такая задача стояла перед всей художественной литературой 80-х годов.

Юмористическая журналистика начала эту работу, но делала она ее неумно и коряво. Из ее среды вырос Чехов. Он взял это дело в свои руки и творческой силой художника-новатора довел его до вершины совершенства.

★

★

¹⁾ Из письма к Суворину, 10 октября,—1888 г., II том писем, стр. 171.

²⁾ Н. Телешов.—«Встречи с А. П. Чеховым», «Все проходит». М. 1927 г., стр. 9—10.

³⁾ Из статьи Беляева—«Меньшиков о Чехове».